

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Исходным содержанием естественного права является право на жизнь. Его не требуется прописывать и принимать, поскольку оно является всеобщим атрибутом существования живого. Право на жизнь не может быть ни разрешительным, ни запретительным, потому что жизнь не требует разрешения и не может быть запрещена; жизнь объективно вообще никак не регламентирована. Наличие проблемы права на жизнь обусловлено противоречием между всеобщим стремлением к жизни (ее индивидуальному сохранению и родовому продолжению), с одной стороны, и объективной индивидуальной и родовой ограниченностью, – с другой. К сфере природной жизни такая постановка вопроса неприменима, в природе проблема права не возникает, так как существование природы не имеет субъектного выражения, поскольку любой предмет природы, в том числе и все живые существа, всегда входит в качестве частичного элемента в какую-либо другую, более широкую предметность, то есть он не обладает суверенностью существования. Лишь вся биосфера представляет собой завершенное целое, но не является субъектом в силу отсутствия субъектной пары, субъектного противостояния.

Право на жизнь возникает только в обществе, потому что стремление к выживанию является всеобщим (таким стремлением обладают все), а возможностью выживания, то есть полного проживания всей жизни, – не все. Однако сам по себе дефицит ресурсов жизни необходим, но недостаточен для возникновения правовых отношений. Другим основанием права является совместность человеческого существования. Здесь противоречие в том, что в совместной жизнедеятельности участвуют все (непосредственно или опосредованно), а выжить могут не все. Следовательно, объективно кто-то является целью совместной деятельности, а кто-то только ее средством, то есть одна жизнь расходует ради поддержания другой жизни.

Данное отношение, являющееся фундаментальным социальным отношением, обусловлено тем, что совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких

обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, “преодолеть” данную техносоциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке необходимых и производимых ресурсов жизни, где первый член неравенства выражает суммарную массу необходимого потребления, то есть массу ресурсов жизни для поддержания совокупного населения, осуществляющего производство, а второй член, выразимый, например, в суммарной покупательной способности, означает массу доступных для этого населения ресурсов. Иначе говоря, с одной стороны имеется реально живущее и производящее население, а с другой – масса производимых им ресурсов жизни, недостаточная для выживания всего этого населения.

Физический смысл техносоциальной формулы общества состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, т.е. полного проживания жизни всеми членами совокупного населения.

Все отличие человеческого существования от животного в конечном счете сводится к выживанию за пределами естественно-природного равновесия, благодаря способности человека находить дополнительные ресурсы в окружающей природной среде. Но главным таким ресурсом, изначально-обязательным и исторически-всеобщим, явился человеческий труд, но не самого человека, а другого человека, т.е. чужой человеческий труд, созданная самой природой готовая рабочая сила. И только при наличии такой (чужой) рабочей силы оказалось возможным использовать другие предметы и процессы природы. Образно говоря, для того, чтобы “поймать” силы природы и заставить их “работать”, человек должен был сначала поймать другого человека и заставить его трудиться. Первоначальным источником авансированного труда является готовая рабочая сила захваченных рабов. А потом она пропорционально возрастала, как проценты на банковский вклад.

Интеллектуальная и материально-предметная деятельность по созданию орудий труда качественно отличает людей от животных не сама по себе, а в контексте включенности человека в систему производственного функционирования орудия в качестве простого средства. Именно орудийное функционирование одного человека в руках другого человека явилось конечным результатом материально-деятельностной эволюции, высшим выражением технического первобытного гения. Как жизнь животного сводится к поиску пищи, так и жизнь человека сводится к производству средств существования. Однако

человек, в отличие от животного, осуществил внутривидовое раздвоение на цель и средство и основал на этом раздвоении систему общества.

Данное общественное отношение “цели и средства” само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы, и именно в этих пределах детерминации можно говорить об определяемости производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил. Что касается социальных революций, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресурсов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное социальное давление. Учитывая, что социальное давление субъектно по источнику и адресной направленности, – одни люди оказывают давление на других людей, а не просто люди давят друг на друга, – социальное давление может быть обозначено как насилие, имеющее сквозной, всеобщий характер. Данное понятие обычно рассматривается в рамках ценностного сознания и имеет негативное значение. Соответственно, из тезиса о всепроникающем характере социального давления следует тезис о неотвратимости насилия, драматизирующей человеческую жизнь, которая характеризуется непрекращающимся состоянием напряженного ожидания насилия и готовности к определенному действию. У одних людей это выражается в страхе и желании спрятаться, у других, напротив, в агрессивности и стремлении опередить в насилии. Возможно, здесь заложены исходные психологические различия социального поведения, естественный природный материал формирования социальной структуры общества.

Люди объективно заинтересованы жить совместно (не просто вместе жить, а образовывать единую производящую систему), что составляет человеческий способ жизни. Однако эта система социально дифференцирована, фундаментальным социальным отношениям является отношение “цель – средство”. Никто не заинтересован быть “средством”, субъективным стремлением является положение “цели”.

Социальная дифференциация есть отношение различия, устанавливаемое и поддерживаемое активно. Это отношение зависимости, а не просто различия не зависящих друг от друга людей. В конечном счете социальная дифференциация выражается в дискриминации, как узаконенном неравенстве, по самым разным признакам – расовым, национальным, религиозным, имущественным и пр. Бедными и богатыми не рождаются изначально, подобно брюнетам и блондинам, ими

становятся в процессе борьбы за выживание, происходящей без объективно заданных правил и беспристрастного судейского надзора. В собирательном виде социальная дифференциация – это разное право на жизнь вообще.

Таким образом, жизнь за пределами естественно-природного равновесия является сущностным признаком человека как особого существа в природе. Освещается ли он электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или “вручную”, удерживает ли работника с помощью железного ошейника или “привязывает” его к рабочему месту зарплатой, – все это само по себе не является показателем собственно человеческого бытия человека, критерием общественного прогресса. Устойчивость, запас прочности выживания, – вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку по техносоциальной формуле благополучная, ровная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни.

Опосредованность отношений господства и подчинения выражается в нормативном характере общественной жизни. Нормативность – это давно отмеченный и ставший классическим признак социальности. Однако недостаточно или вовсе не отмечено, что нормативность вытекает не просто из организованности в связи с разделением труда, а из социальной дифференцированности. Нормы устанавливаются не для всеобщего удобства жизни и не всеобщим соглашением, а в борьбе, – они навязываются обществу господствующими социальными силами на всех уровнях социального взаимодействия – от межиндивидуального до международного. Все это позволяет прийти к выводу, что социальность есть особая форма отношений борьбы за существование вне пределов естественно-природного равновесия, организация общественной жизни по поводу выживания.

В соответствии с техносоциальной формулой в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т.е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

В абсолютистской социально-теоретической модели общества правовая и нравственная нормативность человеческого поведения обосновывается тем, что допускается возможность абсолютного выживания каждого индивида при относительных различиях способов самого проживания в соответствии с индивидуальными различиями людей

по способностям или просто по стечению обстоятельств. Следовательно, в абсолютистской модели общества отсутствует объективная основа нарушения социальной нормативности, прежде всего – правовой. Имеющаяся в этой модели система права целостна и непротиворечива, в соответствии с чем преступление рассматривается в буквальном смысле, т.е. как абсолютно антиобщественное действие (умышленное или неумышленное, рациональное или иррациональное), как проявление социальной патологии, девиации, независимо от породивших ее причин.

Правовая нормативность имеет объективные основания в релятивистской модели общества и вытекает из самой техносоциальной формулы общества, по которой ему объективно присуща социальная дифференциация в качестве фундаментального общественного отношения. Социальная дифференциация не ограничивается различиями в способах проживания, а выражается в различиях по возможностям выживания как такового. Иначе говоря, когда одна жизнь необходимо базируется на разрушении другой, преступление имеет объективные основания и является нормальным фактом социального бытия, с какой бы стороны его, преступление, ни рассматривали, будь то преступление против установленного закона или признание преступным самого закона. В релятивистской модели само выживание может рассматриваться как преступление, но, в отличие от абсолютистской модели, не поддающееся ценностному измерению. В релятивистской модели оно рационально, а в абсолютистской – иррационально.

Таким образом, существование права обусловлено наличием социальной дифференциации общества. Вне социальной дифференциации, т.е. в рамках естественной дифференциации, отношения между людьми регулируются естественным путем. Процесс социальной дифференциации регулируется правом и оценивается по нормам морали, хотя социальная дифференциация, как таковая, не поддается ни морально-ценностному, ни рационально-правовому определению, – сама по себе она не может быть ни справедливой или несправедливой, ни законной или незаконной.

Каждый человек от рождения имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит, в жизненном пространстве все не поместятся, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь – с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому оно лишается самого статуса права.

Заявка
на участие в Международной научно-практической конференции
“Философия и право”

Горюнов Валерий Павлович.

Доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, гуманитарный факультет, заведующий кафедрой философии.

Тема доклада: “Техносоциальные основания естественного права”.

Телефон: 552-87-01, e-mail: phil@phtf.stu.neva.ru